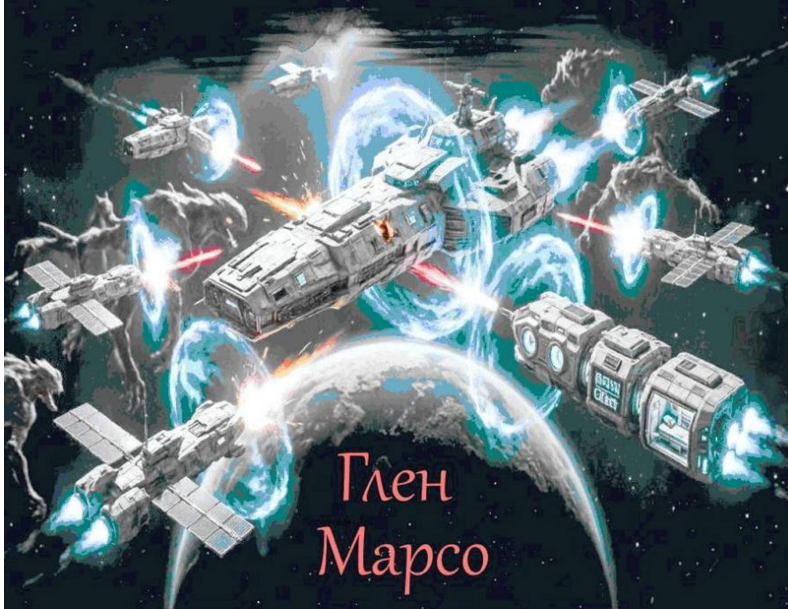

ЛОВУШКА

Глен
Марсо

Глен Марсо

Ловушка

<https://litres.ru/73826719>

SelfPub; 2026

Аннотация

2184 год. Земля на грани экологического и ресурсного коллапса. Отправляя экспедицию к экзопланете TrES-2b, человечество верит, что нашло новый Эдем. Но идеальная атмосфера и притягательное серебристо-голубое свечение оказываются не тем, чем казались. Планета-невидимка поглощает любой свет, а её истинная природа не укладывается в рамки привычных научных концепций землян. Планету интересуют не корпуса кораблей, а разум экипажа. «Ловушка TrES-2b» — напряжённая научно-фантастическая новелла, исследующая границы человеческой воли, этику сохранения сознания во Вселенной. История о том, как надежда становится испытанием, свет — оружием, а будущее - шокирующим.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ловушка

Глава

ЛОВУШКА TRES-2B

Научно-фантастическая новелла. Книга первая

Глава I. Зов Сирены

2184 год. Земля напоминала старый корабль, наскочивший на мель посреди штормящего океана. Ресурсы иссякали, экология захлёбывалась, а человечество, обраставшее проблемами как ржавчиной, лихорадочно искало выход, всё пристальнее вглядываясь в пределы дальнего космоса. Надежда пришла оттуда, откуда не ждали — из созвездия Лебедя, на расстоянии семи с половиной сотен световых лет.

Телескопы глубокого космоса поймали сигнал. Экзопланета TrES-2b. Данные поражали воображение: гравитация, состав атмосферы, температурный режим — всё было не просто пригодным для жизни. Всё казалось идеальным. Лучше Земли. Лучше любой мечты колонизатора.

Но главным аргументом стал цвет. Аура планеты светилась серебристо-голубым, с лёгкими изумрудными перели-

вами. Не просто свечение газов — визуальная гармония, цепляющая самые глубокие струны человеческой психики. Для доктора Елены Соловей, например, потерявшей брата в ходе провального проекта терраформирования Марса, этот оттенок стал личным обещанием: возможно, Вселенная всё же способна на милость. Такая цветовая гамма вселяла надежду.

Всемирный Совет по развитию цивилизации не колебался ни секунды. Бюджет проекта стремился к бесконечности. В космос отправлялась тяжёлая экспедиционная группа.

Девять кораблей дальнего следования выстроились в линию варп-прыжка. Во главе — флагман «Аргонио». За ним — технический носитель «Гефест», единственный корабль, способный творить чудеса: ремонтировать невозможное, генерировать энергию из звёздного ветра и хранить самое ценное — жизни. Его крио-отсек «Лазарет» был оснащён прототипами консервации сознания. Остальные семь составляли плотный эскорт.

На мостике «Аргонио» собрались не просто люди — живые легенды. Во главе — командор Алекс Град. Человек, прошедший «Войну Поясов» и потерявший всё, кроме воли и страсти к комическим путешествиям. Его взгляд — холодный скальпель, но за ним скрывалась боль человека, желающего

искупить прошлое будущим.

Корабль во главе эскадры вышел на орбиту цели. Планета висела в черноте, как драгоценный камень.

— Вы видели спектр, Алекс? — доктор Елена Соловей прижалась ладонью к холодному стеклу иллюминатора. Её голос дрожал от возбуждения. — Азот, кислород, следы органики... Это не просто жизнь. Это сад. Настоящий Эдем в Лебеде.

Алекс не отрывал глаз от тактической карты, где зелёные маркеры мигали в ритме спокойствия.

— Эдемы редко встречаются в глубоком космосе, Елена. Обычно там, где слишком красиво, кто-то уже убрал хищников. Или сам является хищником.

— Датчики «Гермеса» чисты. Радиация в норме. Гравитация... идеальна. — Соловей повернулась к нему, и в её глазах отражалось сияние планеты внизу. — Вы слишком много воевали, чтобы позволить себе просто поверить в чудо?

— Я слишком много воевал, чтобы знать: чудо не бывает бесплатным. — Алекс наконец поднял взгляд и повернулся к центральной консоли. — Вергилий. Вероятность скрытой

аномалии?

Голос искусственного интеллекта прозвучал ровно, без тембра, но с пугающей интонацией сомнения: — Статистическая вероятность — 0,04%. Однако, командор, мои сенсоры фиксируют микроскопические искажения в атмосфере. Словно свет... преломляется неестественным образом.

— Неестественным для физики или для глаза?

— Для логики. Планета слишком красива, чтобы быть реальной. Это как идеально отретушированное фото.

Алекс тихо произнёс, скорее себе, чем экипажу: — Фото... Да. Но мы уже в рамке. Хорошо бы — не в траурной... Он выпрямился, и момент сомнения исчез, сменившись привычной сталью командира. — Готовьте десант. Но боеготовность — уровень «Красный». Если это ловушка, захлопнется она быстро.

Они летели на свет. Они считали себя хозяевами пространства. Они ошибались.

Глава II. Альбедо

Высадка прошла без сопротивления. Воздух сладок, поч-

ва податлива. Сорок восемь часов спустя в журналах экспедиции это будет названо предпосылкой к катастрофе. Сейчас это называли просто удачей.

Учёные брали пробы. Инженеры разворачивали маяки на серебристом грунте, который под ботинками отдавал тёплой пружинистой упругостью — будто планета сама подстраивалась под шаг человека. Пилоты гоняли двигатели на холостом ходу, привычно, для проверки, без надежды обнаружить какую-то неисправность. Всё работало идеально. TrES-2b лежала перед ними как обещание, которое наконец решили выполнить: небо — нежно-серебряное, без единой тучи, свет — рассеянный, мягкий, ничего общего с резкими тенями земного полдня.

Командор Алекс Град смотрел на это с мостика «Аргонии» и думал, что впервые за шесть лет службы видит планету, которая не пытается убить его сразу.

Он ошибался ровно сорок восемь часов.

Дымка ушла не постепенно. Она ушла так, как уходит фокус в оптическом приборе — рывком, в одну секунду превращая ясность в смазанное пятно. Серебро на горизонте свернулось внутрь себя, как сворачивается молоко. Небо не потемнело — оно попросту исчезло, будто его выключили вме-

сте со звёздами, которые оно до этого скрывало.

— Командор, визуальный контакт потерян, — голос Кросса прорвался на мостик сквозь шипение статики, и в этом шипении было больше тревоги, чем в словах. — Фонари шлемов... они горят, я вижу нить накаливания, но света нет. Будто он выходит из лампы и сразу куда-то девается.

— Девается куда, Маркус?

— Не знаю. Просто не возвращается. Как в воду — только без воды.

Алекс вызвал орбитальные данные. Цифра, которая выскочила на экран, была настолько абсурдной, что он перепроверил её сам, вручную, не доверяя автоматике: альбедо TrES-2b упало с обманчивых сорока процентов до менее чем единицы. Планета не отражала свет. Она его забирала.

— Кира, что у тебя на орбите?

Голос Вэнс пришёл с задержкой и помехами, как будто она говорила со дна колодца.

— «Аргонию», сканеры слепнут один за другим. Я не вижу поверхность. Я не вижу собственный флот целиком — только то, что внутри пятисот метров. Дальше — провал. Не

темнота, командор. Темнота — это отсутствие света, а здесь свет куда-то уходит.

— Высота орбиты?

— Держится. Пока держится. Но... — пауза, в которой Алекс почти слышал, как Вэнс делает глубокий вдох. — Гравитационные якоря показывают аномалию. Нас тянет вниз сильнее, чем должно тянуть по массе планеты. Будто масса считается не от центра, а откуда-то ещё ближе. Будто кто-то снизу схватился за нас рукой.

На поверхности у Кросса началась паника, которую он сдерживал лучше, чем мог себе позволить признать. Тепло-визоры показывали плюс двадцать по приборам и абсолютный холод по ощущениям кожи — две правды, не совпадающие друг с другом, и человеческий разум плохо справляется с такими развилками.

— Командор, периметр движется.

— Уточни «движется».

— Грунт. Серебристый грунт, на котором мы стоим три-четыре сутки. Он не движется как живое существо — он движется как... — Кросс замолчал, подбирая слово, которого не

было в его подготовке. — Как кожа, когда под ней что-то проходит.

Алекс отдал приказ на отход без раздумий — есть решения, для которых раздумья — непозволительная роскошь. Группа Кросса начала сворачивать оборудование, и в этот момент серебро под их ногами стало чёрным — не постепенно, не пятнами, а целиком, одним движением, как переворачивается страница.

То, что отделилось от грунта, не было ни существом, ни механизмом в привычном смысле. Тени поднимались не из земли — они были землёй, просто землёй, принявшей вертикальное положение. Призраки, миражи, фата-морганы, протуберанцы — подходящий лексикон, хотя и не отражающий, возможно, сути. Кросс позже, в рапорте, напишет: «Я не видел нападения. Я видел, как ландшафт меняет мнение о нас». Эта фраза покажется начальству неуместно литературной, и он её вычеркнет. Но в тот момент она была единственной правдой, которую он мог зафиксировать.

— Огонь? — спросил он по связи, и в этом вопросе впервые за карьеру прозвучало не «куда стрелять», а «зачем».

— Отход, Маркус. Не геройствуй. Поднимайтесь.

Шаттл оторвался от поверхности в последнюю разрешённую секунду — TrES-2b будто нехотя позволила им это, как сытый кот, который отпускает мышку для возбуждения аппетита.

На орбите ждать оказалось не легче. «Аргонию» вздрогнул — не от удара, а от чего-то, что Торн в машинном отделении назвал «изменением собственной массы корабля без изменения структуры». Гравитационные якоря, которые должны были удерживать варп-выходы открытыми, начали закрываться сами, без команды, как зрачок на ярком свете.

— Это не оружие, — сказал Торн в эфир, и в его механическом голосе было что-то похожее на удивление, редкое для человека, треть тела которого состояла из протезов. — Командор, это не атакует нас. Это нас взвешивает.

Алекс посмотрел на голограмму системы, где девять кораблей эскадры медленно, неотвратно смещались на более низкую орбиту — не по баллистике, а будто их втягивало в раскрывшуюся внизу впадину, контуры которой на сканерах не складывались ни в кратер, ни в разлом, ни в одну из известных геологических форм.

— Взвешивает, — повторил он. — Для чего, по-твоему, взвешивают, Торн?

Ответа не было. Только гул реакторов, переходящих на повышенную нагрузку, и тихий, почти спокойный голос Вэнс с орбитального модуля: — Командор, мне нужно решение. У нас есть, может быть, час, прежде чем нас затянет ниже точки возврата.

Алекс молчал три секунды — непозволительно долго для командора, но достаточно мало для человека.

— Готовьте эскадру к бою, — сказал он наконец. — Не потому, что я знаю, с кем мы воюем. А потому, что выбора нам, кажется, не оставили.

В медицинском отсеке «Аргонио», далёко от всех этих решений, доктор Виктор Грей в этот момент просматривал биометрию группы Кросса, вернувшейся с поверхности, и заметил то, на что не обратил внимания никто другой: у всех шести членов группы синхронно, в одну и ту же секунду, дрогнули показатели гипоталамуса — так, как если бы их одновременно о чём-то спросили.

Он не сказал об этом командору. Не потому, что счёл это неважным.

А потому, что не нашёл, как сформулировать вопрос, ко-

торый, кажется, был задан не словами.

Глава III. Раскрытие

Эскадра падала туда, где у обычной планеты по аналогичным параметрам должен был быть кратер, а у TrES-2b была пропасть без геологического смысла — провал, который сканеры отказывались укладывать в привычные формы рельефа. Падение было медленным, почти вежливым: не рывок, а убывание, как уходит вода из ванны, когда вынимают пробку. Эскадру затягивало в гигантскую воронку, и с каждым кругом диаметр воронки сужался, а скорость обращения кораблей и их погружения возрастала.

— Двигатели на полную, — приказал Град. — Если не можем подняться, держим высоту.

«Аргонио» дрогнул всем корпусом, реакторы взвыли на пределе допустимого, и высота на голограмме застыла — не выросла, просто перестала падать. Маленькая победа, оплаченная расходом топлива, которого хватит на часы, а не на дни.

И тут из провала поднялись щупальца.

Кросс, наблюдавший за этим с поверхностной камеры од-

ного из уцелевших дронов, назвал их позже «корнями, растущими в обратную сторону». Они не выползали — они вытягивались, как тянется к свету растение, только тянулись они к кораблям, и в их движении не было ни злобы, ни топорливости. Они тянулись так, как тянется рука, которая уже знает, что найдёт то, что ищет.

Первое щупальце коснулось обшивки «Медей» без удара — почти нежно, по крайней мере на экранах это выглядело именно так. Через четыре секунды борт «Медей» начал расходиться по сварным швам, будто кто-то снаружи аккуратно отворачивал крышку консервной банки, не разрывая металл, а убеждая его разойтись.

— Они вскрывают корпус, — доложила Вэнс, и голос её был неестественно ровным, тем особым спокойствием, которое наступает, когда ужас перестаёт помещаться в обычные интонации. — Не пробивают, не режут, не взрывают. Открывают. Корабль как бутон раскрывает лепестки.

— По щупальцам — огонь, — приказал Град.

Залп прошёл сквозь одно из них насквозь, оставив дымящуюся прорезь, которая закрылась за две секунды — не затянулась, как рана, а просто перестала существовать как повреждение, словно ткань щупальца забыла о том, что её про-

резали, пронзили.

— Регенерация почти мгновенная, — отозвался Торн с «Варяга». — Командор, обычное вооружение здесь — фантомные боли. Мы делаем вид, что причиняем ущерб.

— У тебя есть предложение получше?

— У меня есть отчаянное предложение. Реактор «Варяга» можно вывести в перегрузку и направить выброс прямо в место, где щупальца выходят из грунта. Это не оружие против них. Это просто очень много энергии в одной точке.

Волков посмотрел на тактическую карту, где «Медея» уже потеряла герметичность трёх отсеков, а к «Ориону» тянулось второе щупальце — медленно, неотвратно, с той же пугающей неторопливостью.

— Шанс?

— Что выживем — небольшой. Что это хоть на что-то повлияет — не знаю. Но молчать дальше — это просто более медленный способ умереть.

Пауза, в которую вписалось всё, что командор не сказал вслух.

— Делай.

Торн отключил предохранители тем же спокойным щелчком, что и в прошлый раз — спокойствие человека, для которого решение уже принято где-то раньше, чем прозвучал приказ. — Координаты передаю на «Аргонию». Уводите эскадру в сторону на сто двадцать секунд, дальше я не отвечаю за радиус.

Доктор Грей в этот момент находился не на мостике и не в реакторном отсеке. Он сидел в медицинском блоке перед мониторами, на которые выводилась биометрия всего экипажа сразу — стандартная процедура при боевой тревоге, которую обычно никто внимательно не читает. Грей читал внимательно, потому что заметил то же самое, что и сорок восемь часов назад на поверхности: показатели гипоталамуса у всего экипажа «Медеи» — у всех, кто ещё оставался жив на тонущем корабле, — снова дрогнули синхронно, в ту самую секунду, когда щупальце коснулось обшивки. Не от страха. Страх даёт другой рисунок на кривой. Это было похоже на считывание, узнавание.

Он попытался сформулировать это в рапорте для Волкова и не успел — взрыв «Варяга» залил все экраны белым.

Вспышка дала не световой эффект, а буквальный выброс энергии реактора, направленный точно в основание щупалец, туда, где они срастались с телом планеты. На долю секунды весь провал осветился — не отражённым светом, потому что TrES-2b всё ещё не отражала ничего, а собственным сиянием реакции, прожигающей плоть, для которой металл и вакуум были такими же чужими понятиями, как для человека — вакуум собственных лёгких.

Щупальца дёрнулись. Все одновременно, у всех трёх кораблей, которые они держали, — единым движением, как отдёргивается палец от огня.

И в этот момент, прежде чем щупальца снова сомкнулись и потянули «Орион» вниз окончательно, прежде чем гибель «Варяга» стала фактом, а не вероятностью, прежде чем уцелевшие корабли эскадры рванулись прочь, выигрывая те самые сто двадцать секунд, — в этот момент Грей увидел на мониторе нечто, чего не было ни в одном протоколе боевой биометрии. Кривая гипоталамуса дрогнула снова, но иначе. Не узнавание, не считывание. Что-то ближе к тому, что фиксируют приборы у человека, которого внезапно и без предупреждения окликнули по имени.

Он не знал, чьё имя было произнесено.

Он знал только, что вспышка реактора, убившая Торна и весь экипаж «Варяга», была первым актом, на который планета ответила не хваткой, а паузой.

«Аргонио» и уцелевшие корабли вырвались из провала на пределе двигателей, оставляя позади два разрушенных корпуса и один — намеренно принесённый в жертву. Высота начала расти. Гравитационные якоря, до этого державшие варп-выходы взаперти, на несколько секунд ослабли — не отключились, просто ослабли, как ослабевает хватка не от боли, а от удивления.

Град смотрел на тактическую карту, где зелёные маркеры выживших медленно отдалялись от чёрного провала, и думал не о победе. Победы не было. Было что-то другое — то, что не укладывалось ни в боевой устав, ни в его шестилетний опыт.

— Доктор Грей, — сказал он в эфир, не отрывая взгляда от экрана. — У меня странное наблюдение. Когда мы стреляли по щупальцам — она нас атаковала. Когда мы её жгли — она остановилась, хотя значительно сильнее любого нашего действия и ожог не представляет серьёзной опасности для неё.

— Я заметил то же самое, командор, — голос Грея был

тихим, как у человека, который только сейчас понял, что боится не того, что предполагал. — И мне нужно с вами поговорить. Не о тактике.

— О чём?

— О том, что мы, кажется, не сражаемся с хищником.

Он сделал паузу, достаточно долгую, чтобы Град успел понять — следующая фраза будет неудобной.

— Мы, кажется, только что ей что-то сказали. И она, похоже, услышала.

Глава IV. Эхо

Эскадра отошла на безопасную орбиту — туда, где гравитация TrES-2b превращалась в обычную физику, предсказуемую и равнодушную. Три корабля из девяти остались позади, во впадине, которая после вспышки реактора закрылась — не визуально, потому что видеть там было нечего, а по всем показаниям сканеров: провал, ещё час назад тянувший к себе массу целой эскадры, теперь читался как обычный участок поверхности. Спокойный. Молчащий.

«Аргонио» лёг в дрейф, экономя то небольшое топливо,

что осталось. На мостике Град слушал доклады, которые звучали как опись потерь, а не как сводка боя: «Медея» — полная потеря герметичности, экипаж двадцать два человека, выживших нет. «Орион» — частичная разгерметизация, найдена одна спасательная капсула, отстрелившаяся в последние секунды перед окончательным захватом. «Варяг» — потерян целиком, по плану, согласно приказу.

Согласно приказу. Град повторил эти слова себе несколько раз, проверяя, не ёкнет ли что-то внутри от повторения. Не ёкнуло. Это его и беспокоило.

Капсулу с «Ориона» подняли на борт через час. Внутри оказалась одна женщина — доктор Елена Соловей, по штатному расписанию экспедиции лейтенант контактной группы, без серьёзных физических повреждений, в сознании, но с тем взглядом, который Грей видел у людей, переживших не опасность, а откровение, которое они не просили.

— Расскажите, что видели, Елена — попросил он мягко, без протокольной сухости.

— Я видела, как щупальце вошло в третий отсек, — сказала она ровным голосом, который держался на чистом усилии воли. — Не пробило. Раздвинуло переборку, как раздвигают занавес. И там, где оно касалось людей... — она замолчала,

подбирая не слово, а разрешение себе это слово произнести. — Оно не разрывало их. Оно их трогало. Долго. Внимательно. Как будто хотело понять форму, прежде чем решить, что с ней делать.

— Вы боитесь, что это было хуже, чем просто убийство.

— Я боюсь, что не знаю, было ли это убийством вообще, — она подняла глаза на Грея, и в них была не истерика, а нечто более тяжёлое: пересмотр всего, во что она верила до этой высадки. — Я готовилась к контакту шесть лет, доктор. Меня учили, что разум, если он разум, ищет понимания раньше насилия. Я не знаю теперь, было ли то, что случилось с «Орионом», насилием — или непониманием с её стороны. Это две разные вещи. И обе одинаково стоили двадцати двух жизней.

Грей не нашёл, что ей ответить, и не стал придумывать утешение, которого у него не было. Он просто кивнул и пошёл с её показаниями к Граду.

— У меня есть гипотеза, — сказал он командору час позже, в его каюте, где карта системы продолжала висеть над столом немим укором. — Хотите услышать, даже если она вам не понравится?

— Я давно не жду, чтобы мне что-то нравилось.

— Альbedo планеты — меньше одного процента. Это значит не - «она тёмная». Это значит — она не отражает свет вообще. Ни капли. Все фотоны, которые в неё попадают, остаются там навсегда. Это противоестественно для геологии, но абсолютно естественно для глаза.

— Глаза?

— Для органа, который устроен только принимать, а не отбрасывать. Наши фонари там не тонули в темноте, командор. Они тонули в зрачке.

Град молчал, обдумывая сказанное с той же тяжестью, с какой обдумывал приказ Торну.

— Ты хочешь сказать, что она нас видела всё это время. И мы были там единственными, кто ничего не видел в ответ.

— Я хочу сказать больше. У слепого с рождения человека нет понятия «видеть» в нашем смысле — но есть руки. Если слепой хочет узнать, кто перед ним, он трогает лицо. Долго. Внимательно. Иногда — слишком сильно, потому что не понимает, где граница чужой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.